

Александр ДОЛЬСКИЙ:

«Я ИЗ ЭЛЛИНОВ»

У каждой жизни есть мелодия
одна —
ее берут у тех, кто музыкой
богат,
и учат много лет, без отдыха и
сна.
Но сочинить свою труднее во
сто крат...

ПЕСНЯ ПРОСТА в черно-белом контрасте, когда текст ее лежит на бумаге и его пробегаешь глазами. Положенная же на палитру голоса, на всю гамму интонаций, песня становится одушевленно-трепетным и — далее — самостоятельно живущим существом, заряженным энергией искренности и неподдельной печали.

Уже болят не только пальцы, но и клавиши. А раз дрожат струны, то затрачиваются и нервы. Затраты же энергии и предполагаются человеческим бытием, душевное напряжение обусловлено вызывающим его состраданием.

«Кто сберег свои нервы, тот не спас свою честь...»

«...И оправданье жизни только в сострадании...»

Сколько поэтов, сколько самых чистых сердец звали человечество к соблюдению элементарнейшей из заповедей — «не навреди!» — а что толку? Так что же, мир еще больше испорчен стихами, что ли? Хорошие стихи — всегда преступление. Преступление перед временем, равное подвигу, преступление перед властью настоящего. Наверное, нужно обладать непостижимо светлым даром, чтобы позволить себе говорить образно и при этом афористично, — и ни в коем случае не скатиться до пошлой лозунговости, пусть и загримированной красноречием и перебором струн. Ведь за приятную мелодию так легко спрятать пустые, не выстраданные слова! И, наоборот, пожалуй, невероятно трудно этим не соблазниться.

В ПЕСНЯХ моего собеседника «ты» вонзается кинжалом безо всякого предварительного затачивания этого кинжала. От обращения непосредственно к тебе обязательно становится много больше, чем при отвлеченном рассказе «от третьего лица».

«Ах, это ты, мой старый друг,
твоя повадка, точно!..»

Исповедальность интонации — это черта, присущая «казе-пшному» движению вообще, черта, отличающая его от «официального искусства» — эстрады или оперы... И все-таки творчество Дольского далеко выходит за рамки того, что мы обычно подразумеваем под «авторской песней». Мелодии яркие и разнообразные, владение гитарой виртуозное, голосом — любые похвалы недостаточны. А вот стихи достаточно сложные, и ирония в них глубинная. Сказывается эрудиция автора — не может не сказываться его знание мировой поэзии, живописи, музыки...

— Александр, уж не знаю, нарочно ли, но вы приезжаете, например, в Минск каждые два года весной. К подобной закономерности добавляется еще одна. Несомненно, что на концертах ваших собирается вполне определенная, я бы сказал, некая стабильная, аудитория. Ваша музыка изящна, стихи утонченны. Как вы понимаете «эллитарность» в искусстве и причисляете ли к ней собственное творчество?

— Действительно, в моей музыке присутствуют и классика, и импрессионизм, и джаз. Понимаете, там — культура, которую я унаследовал, впитал в себя. И все же я не выразил всего того, что хотелось бы. Должен честно признаться, что, к сожалению, сознательно делал проще, чем бы я мог делать. Я себя сдерживал. Так как знал, иначе это будет вовсе не доступно никому. А у меня такие интересные опыты были! Сохранились записи тех времен, когда мне было лет 17—18, там много интонаций, которые я потом услышал у Пола Маккартни. Его-то я не знал, а мелодии витали в воздухе... А позднее я уже начал себя осаживать, потому что музыковеды мне говорили: «Ты сумасшедший, что ты сочинишь?!» А я им верил... И только потом пришел к выводу, что наше искусство — официальное, разумеется, — носит хамский характер. Вот

Высоцкий с его напором — молодчина, это как раз выбивание клина клином.

А если конкретнее об «эллитарности»... Мандельштам где-то разделил всех художников — условно — на две категории — на «эллинов» и на «догматиков». Я отношусь к «эллинам». Все приемлю, интересуюсь всем и учусь у всех. Во всем могу найти прекрасное. В поэзии какого-то минимального мастерства достиг потому, что с детства подражал любимым поэтам. Сознательно шел на такую «учебу», этот путь был для меня необходимым.

— Значит ли это, что вы относите себя к какой-либо этической, эстетической или философской школе?

— Не задумывался об этом. Я не сразу же в себе разобравшись, оттого и подражал многим. Скорее, теперь стараюсь быть самостоятельным в любом проявлении, в любом виде творчества. Продемонстрировать можно на музыке. Вот, скажем, попадаете мне в руки музыкальный инструмент, который я впервые в жизни вижу. Я пробую, как он звучит, и едва только извлекаю первый звук — тут же начинаю импровизировать. Пытаюсь сразу же играть что-то свое. Так что бывшее подражание — это от любви к художникам, из-за нее я подражал именно им.

— А вы часто пишете песни на чужие стихи?

— Это было лишь однажды, в юности, я сочинил «Велосипед» на слова моего близкого друга и наставника. А экспериментировал и на текстах Пушкина, Бернса, когда сам сочинять толком еще не мог. Песни свои никогда не датировал, точно не помню, когда их создал, тем более, музыка на стихи пишется ведь не немедленно, иногда проходят годы... Вот «Маленького принца» написал лет в девятнадцать, тут история особая. Сент-Экзюпери меня при прочтении, конечно, поразил. Он нашел такой красивый образ, такой необходимый... Спусти много лет я рассказал о Маленьком принце своим детям, они были потрясены, мои мальчишки. На ранней стадии